

I Письмо

В середине мая 1660 года, в девять часов утра, когда солнце, начавшее уже припекать, высушило росу на левкоях Блуаского замка, небольшая кавалькада, состоявшая из трех дворян и двух пажей, проехала по городскому мосту, не произведя большого впечатления на гуляющих по набережной. Они лишь прикоснулись к шляпам со следующими словами:

— Его высочество возвращается с охоты¹.

И только.

Пока лошади брали крутой подъем от реки к замку, несколько сидельцев подошли к последней лошади, к седлу которой были привешены за клюв разные птицы.

С истинно деревенской откровенностью любопытные выразили пренебрежение к такой скудной добыче и, потолковав между собою о невыгодах охоты влет, вернулись к своим делам.

Только один из любопытных — рослый, краснощекий веселый малый — спросил, почему его высочество, имея возможность хорошо проводить время благодаря своим огромным доходам, довольствуется столь жалким развлечением.

Ему отвечали:

— Разве ты не знаешь, что для его высочества главное развлечение — скука?

Весельчак пожал плечами с жестом, который ясно говорил: «В таком случае я предпочитаю быть лавочником, а не принцем».

И каждый вернулся к своей работе.

Между тем его высочество продолжал свой путь с таким задумчивым и в то же время величественным видом, что, верно, ему

¹ Речь идет о герцоге Орлеанском (1608—1660), сыне короля Франции Генриха IV и Марии Медичи. — *Здесь и далее примеч. ред.*

изумились бы зрители, если бы таковые были; но жители Блуа не могли простить герцогу того, что он выбрал их веселый город, чтобы скучать там без помехи. Завидев скучающего принца, они обыкновенно отворачивались, зевая, или отходили от окон в глубину комнат, точно избегая усыпительного влияния этого вытянутого, бледного лица, сонных глаз и вялой походки. Таким образом, достойный принц мог быть почти уверен, что никого не увидит на улицах, если вздумает прогуляться.

Конечно, со стороны жителей Блуа это являлось преступной непочтительностью: его высочество был первым вельможей Франции после короля, а может быть, и включая короля. Действительно, если Людовик XIV, тогда царствовавший, имел счастье родиться сыном Людовика XIII, то его высочество имел честь родиться сыном Генриха IV. Следовательно, жители Блуа должны были гордиться предпочтением, которое герцог Гастон Орлеанский оказал их городу, поселившись со своим двором в старинном Блуаском замке.

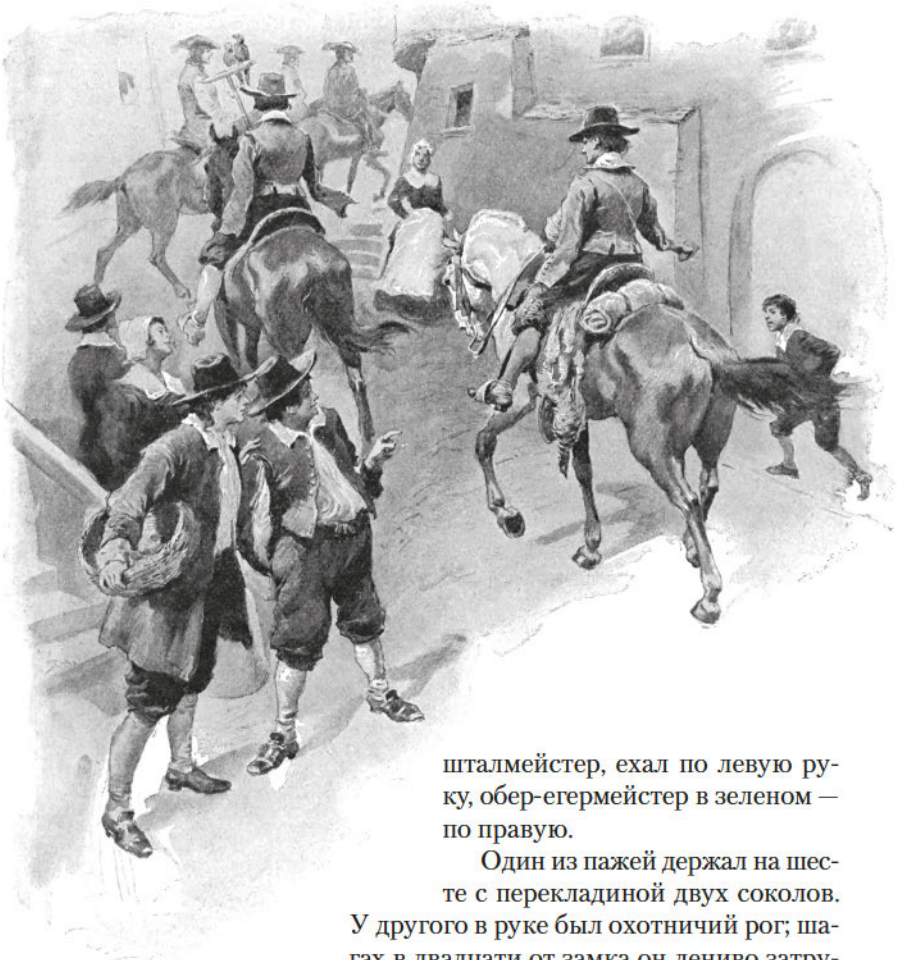
Но такова была судьба этого высокородного принца: он никогда не возбуждал внимания и удивления толпы. С течением времени он привык к этому. Может быть, именно этим объясняется его равнодушный и скучающий вид. Прежде он был очень занят. Казнь доброй дюжины его лучших друзей причинила ему немало хлопот. Но со времени вступления кардинала Мазарини в министерство казни прекратились, его высочество остался без всякого занятия, и это отражалось на его настроении.

Жизнь бедного принца протекала очень скучно. По утрам он охотился на берегах Бёврона или в роще Шеверни, потом переправлялся через Луару и завтракал в Шамборе, с аппетитом или без аппетита; и до следующей охоты жители Блуа ничего не слышали о своем владыке и господине.

Вот как принц скучал *extra muros*¹; что же касается его скуки в стенах города, то мы дадим о ней понятие читателю, если он потрудится последовать вместе с нами за кавалькадой к величественному входу в Блуаский замок.

Его высочество ехал верхом на маленькой рыжей лошади, в большом седле красного фландрского бархата со стремянами в форме испанского сапога. Пунцовый бархатный камзол принца, под плащом такого же цвета, сливался с седлом, и благодаря этому красному цвету принц выделялся среди своих спутников, из которых один был в лиловом, другой в зеленом платье. Человек в лиловом,

¹ Вне стен города (*лат.*).

шталмейстер, ехал по левую руку, обер-егермейстер в зеленом — по правую.

Один из пажей держал на шесте с перекладиной двух соколов. У другого в руке был охотничий рог; шагах в двадцати от замка он лениво затрубил. Все окружающие ленивого принца делали свое дело тоже лениво. Услышав сигнал, восемь часовых, гулявших на солнце в квадратном дворе, схватили алебарды, и его высочество торжественно вступил в замок.

Когда герцог въехал во двор, мальчишки, которые мчались за кавалькадой, указывая друг другу на убитых птиц, разбежались, отпуская замечания по поводу увиденного. Улица, площадь и двор опустели.

Его высочество молча сошел с лошади, проследовал в свои покои, где слуга подал ему переодеться, и так как ее высочество еще не

прислала известить о завтраке, то его высочество опустился в кресло и заснул так крепко, как будто было одиннадцать часов вечера.

Часовые, зная, что им нечего делать до самой ночи, растянулись на солнце на каменных скамьях; конюхи с лошадьми скрылись в конюшнях; казалось, все заснуло в замке, подобно его высочеству, только несколько птичек весело щебетали в кустах.

Вдруг среди этой сладостной тишины раздался взрыв звонкого смеха, заставивший нескольких солдат, погруженных в сон, открыть глаза.

Смех несся из одного окна замка, в которое в этот момент заглядывало солнце, заключая его в огромный светлый угол, какие около полудня чертят на стенах профили крыш.

Узорчатый железный балкончик перед этим окном украшали горшки с красными левкоями, примулами и ранними розами, чья зелень, густая и сочная, пестрела множеством маленьких красных блестящих точек, обещавших превратиться в цветы.

В комнате, которой принадлежало это окно, виднелся четырехугольный стол, покрытый старой харлемской скатертью с крупным цветочным узором. Посреди стола стоял глиняный кувшин с длинным горлышком; в нем были ирисы и ландыши. По обе стороны стола сидели две девушки.

Держали они себя довольно странно: их можно было принять за пансионерок, бежавших из монастыря. Одна, положив локти на стол, старательно выводила буквы на роскошной голландской бумаге; другая, стоя на коленях на стуле, нагнулась над столом и смотрела, как пишет ее подруга. Они смеялись, шутили и наконец захохотали так громко, что вспугнули птичек, игравших в кустах, и прервали сон гвардии его высочества.

Раз уж мы занялись портретами, то да будет нам позволено написать еще два — последние в этой главе.

Стоявшая на коленях на стуле шумливая хохотунья, красавица лет девятнадцати-двадцати, смуглая, черноволосая, сверкала глазами, которые сияли из-под резко очерченных бровей; ее зубы блестели, как жемчуг, меж коралловых губ. Каждое ее движение казалось вспышкой молнии; она не просто жила в это мгновение, она вся кипела и пылала.

Та, которая писала, глядела на свою неугомонную подругу голубыми глазами, светлыми и чистыми, как небо в тот день. Ее белокурые пепельные волосы, изящно причесанные, обрамляли мягкими кудрями перламутровые щечки; ее тонкая рука, лежавшая на бумаге, свидетельствовала о крайней молодости. При каждом взрыве

смеха приятельницы она с досадой пожимала нежными белыми плечами, которым, так же как рукам, недоставало еще округлости и пышности.

— Монтале! Монтале! — сказала она наконец приятным и ласковым голосом. — Вы смеетесь слишком громко, точно мужчина; на вас не только обратят внимание господ караульные, но вы, пожалуй, не услышите звонка ее высочества.

Девушка, которую звали Монтале, не перестала смеяться и шуметь после этого выговора. Она лишь ответила:

— Луиза, дорогая, вы говорите не то, что думаете. Вы знаете, что господ караульные, как вы их называете, теперь заснули и что их не разбудить даже пушкой; колокол ее высочества слышен даже на Блуаском мосту, и, стало быть, я услышу, когда мне нужно будет идти к ее высочеству. Вам просто мешает, что я смеюсь, когда вы пишете: вы боитесь как бы госпожа де Сен-Реми, ваша матушка, не пришла к нам, — что она иногда делает, когда мы смеемся слишком громко, — не застала нас врасплох и не увидела этого огромного листа бумаги, на котором за четверть часа написано только «Господин Рауль». И вы совершенно правы, милая Луиза: после этих двух слов можно написать много других, таких значительных и пламенных, что ваша добрая матушка получит полное право метать громы и молнии. Не так ли? Отвечайте.

И тут Монтале расхохоталась еще громче.

Блондинка обиделась не на шутку. Она разорвала лист, на котором красивым почерком действительно было написано «Господин Рауль», и, смяв бумагу дрожащими пальцами, бросила ее за окно.

— Вот как! — сказала Монтале. — Наша овечка, наша голубка рассердилась!.. Не бойтесь, Луиза: госпожа де Сен-Реми не придет, а если бы и вздумала прийти, так вы знаете — у меня тонкий слух. Притом же вполне позволительно писать старому другу, которого знаешь двенадцать лет, особенно когда письмо начинается словами: «Господин Рауль!»

— Хорошо, я не буду писать ему, — проговорила Луиза.

— Ах, как я наказана! — воскликнула с хохотом черноглазая насмешница. — Ну, берите скорей другой лист бумаги, и сейчас допишем письмо... Ах! Вот и колокол гудит!.. Ну, да мне все равно! Герцогиня подождет или обойдется сегодня без своей фрейлины!

В самом деле, колокол звонил. Это значило, что герцогиня кончила свой туалет и ждет его высочество, который обыкновенно вел ее под руку из гостиной в столовую.

После этой церемонии супруги завтракали и опять расставались до обеда, подававшегося обычно ровно в два часа.

При звуке колокола в кухне, на левой стороне двора, отворилась дверь, и в ней показались два дворецких и восемь поварят. Они несли подносы с кушаньями на блюдах, покрытых серебряными крышками.

Один из дворецких, видимо старший по чину, молча коснулся жезлом караульного, громко храпевшего на скамейке. Он даже был так добр, что подал ему алебарду, стоявшую у стены. Солдат, ошалевший от сна, не спрашивая объяснений, проводил до столовой слуг, несших яства, предназначенные для его высочества; впереди шли паж и двое дворецких.

Когда блюда проносили мимо часовых, они отдали честь.

Монтале и ее подруга смотрели из окна на подробности этого церемониала, хотя давно уже привыкли к нему. Впрочем, их любопытство вызывалось только желанием убедиться в том, что их оставили в покое. Когда поварята, солдаты, пажи и дворецкие прошли, они опять сели к столу и солнце, на мгновение осветившее эти два прелестных личика, теперь опять озаряло только левкой, примулы и розы.

— Ну, — сказала Монтале, устраиваясь по-прежнему, — ее высочество позавтракает и без меня.

— Ах, Монтале, ведь вас накажут! — отвечала блондинка, усаживаясь на свое место.

— Накажут? Это значит, что меня не повезут на прогулку. Да я только этого и хочу! Ехать в огромной колымаге, держась за дверцу, поворачивать то направо, то налево по скверной дороге, по которой едва можно проехать милью в два часа; потом возвращаться к тому флигелю, где окно Марии Медичи¹, причем герцогиня непременно скажет: «Кто поверит, что через это окно бежала королева Мария! Сорок восемь футов высоты! А она была матерью двух принцев и трех принцесс», — какое развлечение! Нет, Луиза, пусть меня наказывают каждый день, особенно когда наказание доставляет мне возможность побыть с вами и писать такие занимательные письма.

— Монтале! Монтале! Надо исполнять свои обязанности.

¹ *Мария Медичи* (1575—1642) — королева-регентша при Людовике XIII (с 1610 г.). Сохраняла свою власть до тех пор, пока недовольный король не заточил ее в замке Блуа. В 1619 г. Марии Медичи удалось бежать из замка через окно.

— Хорошо вам, друг мой, говорить об обязанностях, когда вы пользуетесь полной свободой при дворе. Только вы одна получаете все выгоды и не несете никаких тягот: вы больше, чем я, фрейлина герцогини, потому что она переносит на вас свое расположение к вашему отчиму. Вы клюете зернышки в этом печальном доме, точно птички на нашем дворе, вдыхаете воздух, наслаждаетесь цветами и ничего не делаете. И вы же говорите мне, что надо исполнять свои обязанности! Скажите, моя прелестная ленивица, какие у вас обязанности? Писать красавцу Раулю? Но вы и ему не пишете, — значит, вы тоже немножко пренебрегаете своими обязанностями...

Луиза приняла серьезный вид, оперлась подбородком на ладонь и сказала:

— Упрекать меня за счастливую жизнь! И у вас хватает духа... У вас есть будущность: вы служите при дворе. Когда король женится, он призовет к себе его высочество и вы увидите великолепные празднества, увидите короля... Говорят, он так хорош, так мил...

— А кроме того, я увижу Рауля, который служит у принца, — лукаво прибавила Монтале.

— Бедный Рауль! — вздохнула Луиза.

— Пора писать ему, душенька! Ну, начинайте опять со слов «Господин Рауль», так красиво выведенных на листке, который вы разорвали.

Она подала подруге перо, улыбкой стараясь ее приободрить.

Та написала знакомые нам слова.

— А теперь что? — спросила блондинка.

— Теперь пишете то, что думаете, Луиза, — отвечала Монтале.

— Уверены ли вы, что я думаю о чем-то?

— Вы думаете о ком-то, а это одно и то же, и даже хуже.

— Вы уверены в этом, Монтале?

— Луиза, Луиза, ваши голубые глаза глубоки, как море, которое я видела в Булони в прошлом году. Нет, я ошибаюсь, море коварно, а ваши глаза чисты, как лазурь вон там, над нашими головами.

— Если вы так хорошо читаете в моих глазах, то скажите, что я думаю.

— Во-первых, вы не думаете: «Господин Рауль»; вы думаете: «Мой милый Рауль».

— О!

— Не краснейте из-за пустяков. Вы думаете: «Мой милый Рауль, вы умоляете меня писать вам в Париж, где вас удерживает служба у принца. Должно быть, вам очень скучно, если вы ищете развлечения в воспоминании о провинциалке...»

Луиза вдруг встала.

— Нет, Монтале, — сказала она с улыбкой, — нет, я думаю совсем другое. Смотрите, вот что я думаю...

Она храбро взяла перо и твердой рукой написала следующие строки:

Я была бы очень несчастлива, если бы Вы не так горячо просили меня вспоминать о Вас. Здесь все говорит мне о первых годах нашей дружбы, так быстро промелькнувших, так незаметно улетевших, и никогда ничто не истребит их очарования в моем сердце.

Монтале, следившая за быстрым полетом пера и читавшая по мере того, как ее подруга писала, захлопала в ладоши.

— Давно бы так! — воскликнула она. — Вот искренность, вот чувство, вот слог! Покажите, милая, этим парижанам, что Блуа — родина хорошего стиля.

— Он знает, что для меня Блуа — земной рай, — ответила блондинка.

— Вот я и говорю. Ангел не мог бы выразиться более возвышенно.

— Я кончаю, Монтале.

И она продолжала писать:

Вы говорите, Рауль, что думаете обо мне. Благодарю Вас, но это не может удивить меня: ведь я знаю, сколько раз наши сердца бились одно возле другого.

— О, — сказала Монтале, — овечка моя, берегитесь волков!

Луиза хотела ответить, как вдруг у ворот замка раздался конский топот.

— Что такое? — удивилась Монтале, подходя к окну. — Право, красивый всадник.

— Ах, Рауль! — воскликнула Луиза, тоже приблизившись к окну.

Она побледнела и в сильном волнении опустилась на стул подле не дописанного письма.

— Вот молодец! — засмеялась Монтале. — Он явился очень кстати.

— Отойдите от окна... Отойдите, умоляю вас! — прошептала Луиза.

— Ну вот! Он не знает меня, дайте же мне посмотреть, зачем он сюда приехал.

II Курьер

Монтале сказала правду: приятно было взглянуть на молодого всадника.

На вид ему было лет двадцать пять. Высокий, стройный, он ловко носил тогдашнюю красивую военную форму. Высокие ботфорты с раструбами облегали ногу; от такой ноги не отказалась бы сама Монтале, если бы вздумала нарядиться в мужской костюм. Тонкой, но сильной рукой он остановил лошадь посреди двора; потом приподнял шляпу с перьями, бросавшую тень на его серьезное и вместе с тем простодушное лицо.

Солдаты проснулись от конского топота и вскочили со скамеек.

Один из них подошел к молодому всаднику, который наклонился к нему и сказал голосом таким чистым и звонким, что его услышали даже девушки у своего окна:

— Курьер к его королевскому высочеству!..

— Господин офицер! — закричал часовой. — Курьер приехал!

Но солдат знал, что никто не придет. Единственный офицер жил в глубине замка, в квартире, выходившей в сад.

Поэтому солдат прибавил:

— Господин шевалье, офицер проверяет посты, я доложу о вас господину де Сен-Реми, дворецкому.

— Де Сен-Реми! — повторил всадник, краснея.

— Вы его знаете?

— Знаю... Сообщите ему поскорее, чтобы обо мне тотчас доложили его высочеству.

— Значит, дело, должно быть, спешное, — сказал солдат как бы про себя, но надеясь на ответ.

Всадник кивнул.

— В таком случае, — продолжал часовой, — я сам пойду к дворецкому.

Тем временем молодой человек спрыгнул на землю, и, пока другие солдаты с любопытством следили за каждым движением статной лошади, принадлежащей новоприбывшему, часовому, отошедший было на несколько шагов, вновь вернулся, чтобы промолвить:

— Позвольте узнать ваше имя.

— Виконт де Бражелон, от его высочества принца Конде.

Солдат низко поклонился и, как будто имя победителя при Рокруа открылило его, взбежал по ступеням лестницы в переднюю.

Не успел виконт де Бражелон привязать лошадь к железным перилам крыльца, как к нему выбежал запыхавшийся Сен-Реми, придерживая одной рукой толстый живот, а другой рассекая воздух, как гребец рассекает воду веслом.

— Виконт! Вы здесь, в Блуа? — воскликнул он. — Какое чудо! Здравствуйтесь, господин Рауль, здравствуйтесь!

— Мое почтение, господин де Сен-Реми.

— Как госпожа де Лаваль... я хочу сказать, как госпожа де Сен-Реми будет счастлива, когда увидит вас! Но пойдёмте! Его высочество завтракает. Надо ли тревожить его? Дело у вас важное?

— Да как сказать... Возможно, что минута промедления не понравится его высочеству.

— Если так, нарушим правила. Пойдёмте, виконт! Впрочем, его высочество сегодня в хорошем расположении духа... И притом вы привезли нам новости?

— Очень важные.

— И вероятно, хорошие?
— Самые приятные.
— Так идемте скорей! Как можно скорей! — вскричал добряк, поправляя на ходу свой костюм.

Рауль шел за ним со шляпой в руке, немного смущенный торжественным звоном шпор по паркету огромных зал.

Как только он вошел во дворец, в знакомом нам окне опять показались головки, и оживленный шепот выдал волнение девушек. Видимо, они приняли какое-то решение, потому что черноволосая головка исчезла, а белокурая осталась в окне, прячась за цветами и внимательно глядя сквозь листья на крыльцо, по которому виконт вошел во дворец.

Между тем виконт, явившийся причиной всех этих волнений, шел следом за дворецким. По донесемому к нему шуму торопливых шагов, аромату вин и кушаний, звону бокалов и посуды он понял, что приближается к цели. Пажи, служители и лакеи, находившиеся в комнате перед столовой, встретили гостя с учтивостью жителей этого края, вошедшей в пословицу. Некоторые были знакомы с Раулем, и почти все знали, что он приехал из Парижа. Можно сказать, что его появление нарушило на минуту перемену блюд.

Паж, наливавший вино его высочеству, услышав звон шпор в соседней комнате, обернулся с детским любопытством и не заметил, что льет вино уже не в стакан герцога, а на скатерть.

Герцогиня, не столь поглощенная своими мыслями, как ее distinguished супруг, заметила рассеянность пажа.

— Что такое? — спросила она.

— Что такое? — повторил герцог. — Что там случилось?

Сен-Реми воспользовался удобной минутой и просунул голову в дверь.

— Зачем меня беспокоят? — спросил герцог, кладя на тарелку солидный кусок одного из самых огромных лососей, которые когда-либо поднимались вверх по Луаре, дабы попасть на удочку где-то между Пенбёф и Сен-Назер.

— Приехал курьер из Парижа. Но он может подождать, пока завтрак...

— Из Парижа! — удивился герцог, роня вилку. — Курьер из Парижа, говорите вы? А от кого?

— От принца, — поспешил сообщить дворецкий.

Принцем называли в те времена принца Конде.

— Курьер от принца? — сказал герцог с беспокойством, замеченным всеми присутствующими и удвоившим общее любопытство.

У герцога мелькнула, быть может, мысль, что вернулись те блаженные времена заговоров, когда каждый стук двери приводил его в волнение, каждое письмо заключало в себе государственную тайну, каждый курьер был орудием опасной и запутанной интриги. Может быть, само имя великого принца встало под сводами Блуаского замка точно привидение.

Герцог отодвинул тарелку.

— Прикажете курьеру подождать? — спросил де Сен-Реми.

Взгляд герцогини придал герцогу энергию, и он ответил:

— Нет-нет! Наоборот, позовите его сейчас же! Кстати, а кто он?

— Здешний дворянин, виконт де Бражелон.

— А, очень хорошо... Введите его, Сен-Реми, введите!

Произнеся эти слова с обычной важностью, герцог бросил взгляд на всех находившихся в столовой, и все они — пажи, служители и конюшие, — побросав салфетки, ножи и стаканы, беспорядочной толпой быстро скрылись в соседней комнате.

Столовая была пуста, когда Рауль де Бражелон вслед за Сен-Реми вошел туда.

Оставшись один, герцог успел придать своему лицу подобающее выражение. Он не повернулся, ожидая, пока дворецкий подведет к нему курьера. Рауль остановился у конца стола, между герцогом и его супругой. Затем он низко поклонился его высочеству, почтительно — ее высочеству, выпрямился и стал ждать, когда герцог заговорит. Герцог, со своей стороны, ждал, пока запрут двери. Он не хотел оборачиваться, чтобы убедиться, закрыты ли они. Такое движение было бы недостойно его; но он напряженно прислушивался, щелкнул ли замок, что сулило ему хоть видимость тайны.

Когда заперли дверь, герцог поднял глаза на виконта и спросил:

— Вы, кажется, из Парижа.

— Только что, ваше высочество.

— Здоров ли король?

— Вполне.

— А королева?

— Ее величество все еще страдает грудью. Но теперь уже с месяц, как ей несколько лучше!

— Мне доложили, что вы приехали ко мне от принца. Это, верно, ошибка!

— Нет, ваше высочество! Принц поручил мне доставить вам это письмо и ждать ответа.

Рауль был несколько смущен столь холодным и церемонным приемом: голос его незаметно понизился, и кончил он почти впол-

голоса. Герцог забыл, что сам был причиной этой таинственности, и им снова овладел страх.

С угрюмым видом принял он письмо принца Конде, распечатал его, точно какой-нибудь подозрительный пакет, и, отвернувшись, чтобы никто не мог заметить выражение его лица, прочел письмо.

Герцогиня следила за всеми движениями своего августейшего супруга с такой же тревогой, какую испытывал он сам.

Рауль бесстрастно, не двигаясь с места, смотрел в открытое окно на сад и на статуи в нем.

— Ах, — вскричал вдруг герцог с сияющей улыбкой. — Вот приятный сюрприз! Премилое письмо от принца! Прочтите сами!

Стол был так широк, что герцог не мог дотянуться до руки герцогини; Рауль поспешил передать письмо и сделал это так ловко, что герцогиня ласково поблагодарила его.

— Вы, верно, знаете содержание письма? — спросил герцог у виконта.

— Знаю, ваше высочество. Сначала принц дал мне поручение на словах; потом передумал и написал письмо.

— Прекрасный почерк, — сказала герцогиня, — но я никак не могу разобрать...

— Прочтите, виконт, — попросил герцог.

Рауль начал читать.

Герцог слушал его очень внимательно.

Вот содержание письма.

Ваша светлость.

Король едет на границу; Вам уже известно, что скоро совершится бракосочетание его величества. Король соизволил назначить меня своим квартирмейстером на время этого путешествия. Зная, как было бы приятно его величеству провести день в Блуа, осмеливаюсь просить Вас дозволить мне отметить на моем маршруте Ваш замок. Однако если неожиданность такой просьбы может причинить Вашему королевскому высочеству затруднение, то умоляю Вас уведомить меня через посланного мною курьера, одного из моих офицеров, виконта де Бражелона. Мой маршрут будет зависеть от решения Вашего королевского высочества: если нельзя ехать на Блуа, я укажу путь через Вандом или Роморантен. Смеею надеяться, что Ваше высочество примет просьбу мою благосклонно, как знак преданности и желания быть Вам приятным.

— Ничего не может быть приятнее, — заметила герцогиня, которая во время чтения несколько раз ловила взгляд мужа. — Король будет здесь! — прибавила она громче, чем следует, когда хотят сохранить тайну.

— Господин де Бражелон, — сказал герцог, в свою очередь, — поблагодарите принца Конде и выразите ему мою признательность за удовольствие, которое он мне доставил.

Рауль поклонился.

— Когда приедет его величество?

— Вероятно, сегодня вечером.

— Как же узнали бы мой ответ, если бы он оказался отрицательным?

— Мне было приказано в этом случае возможно скорее вернуться в Божанси и передать ваш ответ курьеру, который тотчас вручил бы его принцу.

— Значит, король в Орлеане?

— Нет, гораздо ближе; теперь его величество должен быть в Менге.

— Его сопровождает двор?

— Да, ваше высочество.

— Ах! Я и забыл спросить вас о кардинале!

— Его преосвященство, кажется, здоров.

— Его племянницы едут с ним?

— Нет, ваше высочество; его преосвященство приказал господам Манчини отправиться в Бруаж; они поедут по левому берегу Луары, тогда как двор проследует по правому.

— Как! Мария Манчини¹ тоже покидает двор? — спросил герцог, осторожность которого несколько уменьшилась.

— Мария Манчини в первую очередь, — скромно ответил Рауль.

Беглая улыбка, едва заметный след прежней привычки к запутанным интригам, осветила бледное лицо герцога.

— Благодарю вас, господин де Бражелон, — сказал он. — Вы, может быть, не захотите передать принцу другого моего поручения — сообщить, что его посланный очень мне понравился; но я сам скажу ему об этом.

Рауль поклонился в знак благодарности за лестный отзыв.

Герцог подал знак герцогине, и она позвонила. Тотчас вошел Сен-Реми, и комната наполнилась людьми.

— Господа, — объявил герцог, — его величество сделал мне честь, пожелав провести день в Блуа; надеюсь, что король, мой племянник, не будет раскаиваться в милости, которую он оказывает моему дому.

— Да здравствует король! — вскричали с неудержимым восторгом все присутствующие, и прежде всех сам Сен-Реми.

Герцог в мрачном унынии склонил голову. Всю жизнь должен он был слушать, вернее, терпеть эти крики. Давно уже не слышав их, он успокоился; и вот молодой король, более живой и блестящий, чем прежний, вставал перед ним как новая горькая насмешка.

Герцогиня поняла страдания этого боязливого и подозрительно-го человека. Она встала из-за стола.

Герцог бессознательно последовал ее примеру. Служители, жужжа, как пчелы, окружили Рауля и начали его расспрашивать.

Герцогиня, заметив это, подозвала Сен-Реми.

— Теперь не время болтать, надо приниматься за дело! — сказала она голосом недовольной хозяйки.

Сен-Реми поспешил рассеять кружок, собравшийся около Рауля, и виконт вышел в переднюю.

¹ *Мария Манчини* (1639–1715) — итальянская аристократка, фаворитка короля Людовика XIV.